

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.351

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР: ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО А. КАЗБЕКОВА

З. К. Магомедова

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматривается творчество дагестанского русскоязычного поэта А. Казбекова. Основное внимание уделяется анализу моральных и религиозных аспектов, а также художественно-выразительных средств его поэзии.

The article deals with the activity of Daghestan Russian-language poet A. Kazbekov. The main attention is paid to the analysis of moral and religious aspects as well as artistic and expressive means used by the poet.

Ключевые слова: поэтический мир, восточное влияние, творческие импульсы, культурное пространство.

Keywords: the poetic world, oriental influence, creative impulses, cultural space.

Анна Ахматова когда-то сказала: «Никто не знает, почему и как возникают стихи, откуда они берутся. Стихи – это голос судьбы».

Очень сложны, почти непредсказуемы пути, ведущие к творчеству. Становление поэта – процесс глубоко индивидуальный, и во все времена актуальна поэзия, которая впечатляет не только и не столько порывами своих эмоций, но и достоверностью, конкретностью, навеянной жизненным опытом автора. Абсолютная естественность, отсутствие надрыва, стремления к эффектному слововыражению, спокойная воля, меткие формулировки – все складывается и образует гармоническую пропорцию между внешним и внутренним миром поэта, и все это признаки современной интеллектуальной поэзии. Надо обладать безупречным поэтическим слухом для того, чтобы голоса поэзии и жизни вступили в переключку, не нарушая чистоты звука. Читатель, истосковавшийся по искренности, найдет ее в стихах Ачакана Казбекова.

В недавно вышедший в свет поэтический сборник «Взгляни на обитель» вошли новые стихи поэта, а также стихотворения, опубликованные в различных журналах и сборнике «Прелюдия к молчанию».

Поэтическая палитра Ачакана Казбекова довольно разнообразна. Наряду со стихами, выдержанными в восточном стиле, в лирике поэта заметны и настроения, навеянные русской классической литературой.

Поэзии исток единый.
Не всякий тот исток нашел,
Но кто нашел, тот приобрел
Секретный фолиант старинный,
В стихах бессмертие обрел.

Поэт вернется в блеске слова,
Так, может быть, и я вернусь,
И вы почувствуете снова
И отрешенность Гумилева,
И мандельштамовскую грусть [1, с. 25].

Широта интеллектуального пространства поэзии А. Казбекова определяется обращениями к литературным предшественникам, которые служат для него своего рода духовной опорой. Казбеков – автор, наделенный эрудицией и художественным слу-

хом и, что важно, сумевший вобрать все новое в свой духовный опыт, в текстах которого национальные реалии сплелись с корнями, уходящими в восточную и русскую лирику. В его стихах на высоком уровне осуществлена связь традиций классической и современной поэзии. Эта культурно-генетическая связь проявляется прежде всего в философском строе стихов А. Казбекова, в которых присутствуют неизменные в его творчестве мысли о смысле жизни и быстротекущем времени, о несбывшихся мечтах, о бренности жизни.

Одно из замечательных свойств поэзии Казбекова – глубоко личное, даже интимное выражение взгляда на ход вещей, на мир. Его стихи, словно летописный дневник, каждая страница которого несет информацию о прожитых днях, событиях и где мечты поэта и поэтические образы причудливо переплетены с реальностью. Именно этот синтез и привносит в его поэзию и смысловую весомость, и особый колорит. Эти тексты рассчитаны на медленное прочтение, перечитывание. Кроме эстетической и интонационной полифонии в них бьется живое чувство.

В сплетении дней моих сумбурных,
Порою тихих, чаще бурных,
Я каждой нитью дорожу.

И нить любви, и нить печали,
Нить детства и туманной дали –
Все, что Пути мне начертали, –
Я с благодарностью ношу [1, с. 104].

Ключом к пониманию мировосприятия поэта, камертоном, определяющим его проблемно-смысловую тональность, являются слова. «...Слово сакральней камня и краски и не выдерживает идеологических профанаций. Тут мало ремесленного умения, даже и мастерства: энергию высшего задания, вдохновения ничем не заменишь», – пишет известный российский поэт Ю. Кублановский [2].

Стихотворение «Слова» – это своеобразная ода слову как выразителю сущностных основ человеческого бытия:

В словах – фонтан стремлений,
Надежда, увлеченность.
В словах – исток сомнений,
Раздумья, отрешенность.

Возвысить и отвергнуть
И повторить все снова,
На трон и с трона свергнуть –
Такая сила в слове . <...> [1, с. 106]

Поэту чужда патетика, тем более – аффектация. Простота и прозрачность его строк сочетаются с подлинностью чувств, глубокой психологической насыщенностью, здесь можно найти и тютчевскую философичность, и скорбь Надсона:

Все меньше лиц родных, уходят безвозвратно,
Мне ж между встречей и разлукой надо жить.
Как много жаждущих вокруг поговорить,
Как мало тех, с кем помолчать приятно [1, с. 22].

Характерной чертой творчества А. Казбекова является подчеркнутый автобиографизм. Насыщенность сугубо индивидуальными переживаниями и впечатлениями его стихов представляет тот случай, когда биография автора так плотно сближается с судьбой лирического героя, что в совокупности становится едва ли не главной темой его творчества. Почти каждое стихотворение честно рассказывает о своем авторе.

Именно автобиографизм является фактором усиления лирической направленности его текстов, способом создать между автором и читателем особый, доверительный контакт. Строки его, пронизанные искренним чувством, несут в себе целую гамму светлых и грустных воспоминаний, но никогда не теряют очертаний конкретной действительности. В них нет спецэффектов, присущих современной постмодернистской поэзии, изощренности, перенасыщенности метафорами. Фактурная точность письма органично соответствует четкости и завершенности его мысли. Поэзии Казбекова присущи открытость, стремление к предельной откровенности, исповедальность, а за всем этим – богатство человеческого опыта, избыток выстраданных чувств. К его творчеству применима формула В. Жуковского: «Жизнь и Поэзия одно».

Мой мозг – мой дом, порою людный,
Вертеп – тьма дьявольских теней.
Лишь дом остался без гостей,
И каждый день мой стал как Судный.

А мысль, как время, беспощадна
И к будущим, и к прошлым дням,
Я от себя бегу к друзьям,
А от друзей бегу обратно [1, с. 26].

Поэт в своем отношении к жизни и миру в целом выражает то состояние души, которое часто свойственно человеку в зрелом возрасте, когда наступает гармония между разумом и душой, мыслью и чувством, но зачастую пессимизм и скепсис, обретенные с годами, мешают найти ему душевное равновесие.

Мотив утраты надежд, иллюзий, разочарования в мире и жизни обретает под его пером некое абсолютное значение. Все это реализуется в череде образов ушедших близких, друзей, в восприятии жизни как горечи и непреходящей тоски, а мысли о бессмысленности и тщетности существования, имея романтическую ауру, органично совмещаются со специфическими представлениями нового времени – вселенской банальности и тщетности житейской суеты.

Психологический мир лирического переживания лежит в основе его поэтической рефлексии, многомерной, искренней. Почти в каждом стихотворении А. Казбекова лирическое переживание декларировано с первых же строк. Его поэтические рефлексии, экзистенциальные переживания ярко выражены в ряде произведений: «Голос», «Гавань», «Возраст», «На смерть друга», «Мирозданье», «Одинокая память», во многих других стихах.

Глубоко личностное, острое ощущение сложности и противоречий жизни, ощущение дисгармонии в собственной душе, порожденное несовершенством окружающего мира, понимание невозможности повернуть время вспять, добиться разрешения этих противоречий – все эти чувства свойственны любому творческому человеку. Метафорические сближения с изломами собственной души порождают целый спектр лирических переживаний и размышлений. В своем эссе «Ветер забвения» А. Казбеков пишет, в частности: «Подули ветры забвения. Мой мир обезлюдел, и некого пригласить. И вот, на склоне лет, мы, последние романтики, поседевшие дети обманутого и прерванного поколения, на руинах несбывшихся ожиданий молитвенно шепчем пророческие слова наивного поэта: «Возьмемся за руки, друзья...». Но затухающее эхо наших голосов все тише...» [1, с. 4]. Следующие за этим высказыванием стихи подтверждают неизменность выбора поэта, неизбежность его меланхолии, глубину душевных переживаний. Он облакает собственные экзистенциально-философские

настроения в различные по своим жанровым признакам смысловые фрагменты, объединенные утверждением извечных истин. В тематическом плане каждый отдельный текст служит контекстом для другого. Стихи дополняют друг друга, подхватывая темы, проходящие через все его поэтическое творчество.

Бесстрашный рок все превращает в прах.
Мгновенье поглощает путь столетья.
Мы умираем на глазах Бессмертья,
У Вечности беспечной на глазах... [1, с. 18]

Следующее за этим четверостишием стихотворение расширяет его границы, договаривает, детализирует афористически сформулированную мысль:

Лавиной обрушились прощанья,
Уходят в дали вечные друзья,
Кружат в немой ночи воспоминанья,
Сидим втроем мы – память, грусть и я.

Бушует одиночество хмельное,
Судьбы фаэтон, насмешливо скрепя,
Умчал куда-то время золотое,
Теперь втроем мы – память, грусть и я. <...> [1, с. 19].

(«Одинокая память»)

Обращает на себя внимание повышенная метафоричность этого стихотворения, яркая образность, символика и, конечно, афористичность, которая является субстанционной основой творчества А. Казбекова. Афористичность просматривается во всем: размышления о смысле жизни, об отношении к уходу из нее, о подверженности всего земного разрушению, и, конечно, мудрое смирение перед тайной бытия, изначально непостижимой, неисчерпанной.

Литературовед В. Мусатов пишет, что необходимой предпосылкой философской, лирической поэзии является наличие индивидуальной гипотезы бытия. «Единство такой гипотезы, – справедливо подчеркивает ученый, – не в сформулированности или «непротиворечивости». Она носит ... порождающий характер. Она кроется в самом поэтическом даре, в принципах воплощения действительности. “Гипотеза бытия” – не высказывание, не афоризм и не система афоризмов, а система художественных сцеплений, сама плоть художественного языка» [4].

Поэт философски размышляет о своем жизненном пути, оттого так глубоко его поэтические откровения, по которым читателю нетрудно проследить перипетии его судьбы. Несмотря на использование философско-афористических символов, в его стихах просматриваются черты реальной человеческой жизни.

Одиноким, затерянным в лабиринтах собственных воспоминаний, он шел и оплакивал свою украдкой прошедшую жизнь, подарившую ему на склоне лет печаль и усталость. Образы ушедших родных лиц, оставивших его наедине с собой в этом мире, проступали в тумане скорби.

Постоянный внутренний диалог с вечностью облекал в одеяние отрешенности, весь облик завораживал какой-то необъяснимой тайной, отчего притягательность его становилась сильнее.

Странная фигура под дождем на фоне вечерней улицы...» [1, с. 30]

(«Прохожий»)

Поэтический мир поэта не обнаруживает своей истинной психологической подоплеки – лишь отблески некоего душевного и жизненного опыта. При этом от текста к тексту задействуются семантические и полисемантические перетекания, игра смыслов, переход от чувства обреченности к надежде на что-то доброе и светлое.

Возраст – все ж время года, а вовсе не годы.
 Равнодушны к ответу, ленимся в вопросе,
 Сколько лет мне?
 Ну, если судить по погоде,
 Вот уж десять прошло, как исполнилась осень.

Там крадется зима, тащит ворох скорбей
 По годам, для прощанья собравшимся в стаю.
 Ах весна, ведь была ты когда-то моей...
 Но ... пора – я тебя сыновьям уступаю [1, с. 100].

(«Возраст»)

Органично вписываются в общий строй поэтического творчества А. Казбекова и его стихи, написанные в восточной стилистике,

Восточная поэзия обогатила сокровищами своей мудрости не одно поколение поэтов в разных концах света. Ее отголоски можно найти в творчестве Байрона, Гете, Гейне, Пушкина и многих других. В последние десятилетия минувшего века «восточное поветрие» стало достаточно заметным явлением в поэзии русской, северокавказской. Проникновение новой образности, новых форм художественной выразительности в поэтический строй стихов современных художников слова стало уже укоренившейся традицией.

Чаще всего восточный стиль мышления здесь передается средствами русской классической или, реже, современной манеры письма. То, что делают дагестанские русскоязычные или двуязычные поэты, по большей части имеет непосредственное отношение к русской поэзии. Язык, на котором они фиксируют свое творчество, является неким кодом, нейтральным по отношению к содержанию. Порой, встречая такого рода текст, невозможно сказать, на каком языке он был рожден, перевод это или оригинал. Таким образом, в данном случае закономерно говорить о двунациональности художественного мышления автора. В противовес этой мысли критик Л. Костюков говорит о поэзии, существующей «в виде суммы национальных слагаемых, влияющих одно на другое не больше, чем музыка на живопись» [4]

Опыт развития дагестанской поэзии вообще и русскоязычной в частности позволяет говорить о феномене, состоящем из живого языка, точнее, черпающем энергию из многих языковых сред, пересеченных в жизни поэта. Ярчайшим примером, иллюстрирующим сказанное, являются произведения многих дагестанских русскоязычных поэтов. Только на стыке двух, а может быть и трех языковых и культурных стихий могли возникнуть такие строчки:

Весь мир в тебе – Писании священном,
 Весь мир объемлет Золотой Коран.
 Безмолвие – симфония Вселенной.
 Безмолвие – прозренья Океан [1, с.84].

* * *

Узор волшебный, как халат с плеча султана,
 Расшитый золотом на небосводе дремлет,
 Звезда читает суры из Корана,
 Благоговейно полумесяц внемлет [1, с. 85].

* * *

Гордыня – маска слабости убогой.
 Нам данное Творцом – своим считаем.
 «За что?» – кричим, беда коль у порога.
 Когда же счастливы, «за что» не вопрошаем [1, с. 91].

* * *

Раб темноты о сути света
Лишь может лгать упрямо.
Как много высится мечетей –
Как мало божьих храмов [1, с. 92].

В предисловии к сборнику «Прелюдия к молчанию» ученый-литературовед К. Ханмурзаев отмечает: «Перед нами лирика медитативная, отлитая в четкую форму поэтического афоризма. Такая манера связывает поэта с традициями восточной поэзии, как и его суфийское, в сущности, мироощущение, которое сквозит буквально в каждой строке, это сочетание чувства полноты жизни с определенной отрешенностью, по известному принципу “быть в миру, но не от мира”.

Но это, так сказать, суфийский поэт, каким он может быть на исходе второго тысячелетия, обогащенный и обремененный духовно-историческими коллизиями и потрясениями нашего неприкаянного века. К тому же Ачакан поэт, как ныне модно говорить, евразийского толка. Я знаю, что он много читает, и круг его чтения широк, он включает в себя и Запад и Восток, что для просвещенного человека, живущего в Дагестане, на стыке двух великих культур, так естественно» [5].

В большинстве своем обращение к классической восточной духовности происходит как дань моде, экзотике, и потому такие тексты поверхностны, построены в основном на использовании клишированных моделей, формальном сходстве. Лишь немногим из поэтов удастся удачно использовать восточные константы в своих текстах, построить их на сравнениях, ассоциативной символической, в которых заложена емкая оценка, точно характеризующая суть явления.

Кто мудрых жаждет изречений,
Кто – мудрости самой.
Кто тайну ищет в упоеньи,
Кто – ключ от тайны той [1, с. 80].

Благородный оттенок классической традиционности лежит на всем творчестве А. Казбекова. Когда речь идет о восточно-ориентированной лирике, то причастность к высоким образцам позволяет открыть в ней какие-то новые грани.

Сказал Пророк в хадисе достоверном
О том, что спящим человек живет,
И лишь в момент прощанья с миром бренным
Он, пробудившись, вечность обретет.

Проснись, пока ты жив, не будь беспечным,
Покорно обрати к Творцу свой лик,
Склонись пред Ним, Прощающим и Вечным,
Найди себя и знай – Аллах Велик!

Познай себя и сбрось оковы лености,
Иманом сердце освети, мискин,
Иди через сомненья к несомненности
И сердцем повторяй: «Аллах Един».

Тернист и труден путь, ведущий к Раю,
Я пред Аллахом вечный пилигрим,
О Милостивый, лишь к Тебе взываю,
Ихдина ссират-аль мустахим.

К Тебе я обращаюсь, о Всевышний,
Наполни смыслом жизнь мою, дела,
В саду ислама пусть не буду лишним,
Склоняюсь пред Тобой, Субхан Аллах.

Ислам в лучах божественного света
Нам раскрывает смысл бытия,
Я раб Твой, все мое величье в этом,
Я раб Твой, и горжусь лишь этим я [1, с. 86–87].

(«Мольба»)

Обращение поэта к Всевышнему интимно-философское и в то же время предельно открытое окружающему миру – свидетельство возвышенной и абсолютной веры. В религии он видит не только утешение, но и источник духовного очищения.

Религиозные предпочтения А. Казбекова определились еще в его ранних стихах. Очевидно, что и само его художественное мышление, и способы восприятия и отражения мира во многом обусловлены влиянием исламской культуры. Приведенный выше текст, по сути, мольба, помещен в мусульманскую систему символов и цитат из Корана. Экспрессивность синтаксической структуры (обращения к Всевышнему, а затем и к Его творению – человеку) и эмоциональный характер номинации элементов религиозного характера в сочетании с возвышенной трактовкой покорности как идеального проявления веры расширяют и укрупняют смысловое поле его поэтического самовыражения.

Приверженность к восточной традиции, а также порой явная, но чаще подсознательная переключка с творчеством великих поэтов придает своеобразие и обаяние поэзии А. Казбекова, а кроме того, помогает взглянуть на классику другими глазами, почувствовать существование знакомых имен в новом пространстве:

Глупец, Хайяма прочитав,
Станет рабом хмельных забав,
А мудрый о вине забудет,
Он от Хайяма пьяным будет [1, с. 95].

Следующее четверостишие одним может показаться дерзостью, а другим – лишь филологической игрой:

Меж нами Космос, мгла, скорбей столетья,
Любовь, обман и пафос лихолетья.
Вобрал в себя все времени туман...
Все ж схожи мы – Хайям и Ачакан [1, с. 96].

(«Хайям – Ачакану»)

Стихи, навеянные традициями Востока и современными реалиями, живут в поэтическом мире А. Казбекова в удачном стилистическом переплетении. Опыт, усвоенный поэтом не только из книг, но и в результате многолетних размышлений об окружающем мире, о жизни во всех ее проявлениях, и стал основой его творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казбеков А. Взгляни на обитель. Махачкала, 2015. 148 с.
2. Кублановский Ю. В советском поэтическом зоопарке // Новый мир. 2002. № 7. С. 98.
3. Мусатов В. Художественные традиции в современной поэзии. Иваново, 1980. С. 8–9.
4. Костюков Л. В точке миллениума // Дружба народов. 2001. № 2. С. 191.
5. Ханмурзаев К. В поисках Пути // Казбеков А. Прелюдия к молчанию. Махачкала, 2000. С. 7.

Поступила в редакцию 06.09.2016 г.
Принята к печати 26.12.2016 г.